

БОГИНЯ ЛУНЫ И ОХОТЫ

Л. ФАНДЕЕВА

16+

Лилия Фандеева

Богиня луны и охоты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Фандеева Л.

Богиня луны и охоты / Л. Фандеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08212-0

Диана в римской мифологии - богиня охоты, плодородия, женственности. Ночью она дарит свет луны, а днем покровительствует охотникам. Воплощает молодость и быстроту, все успевает и всюду появляется в нужный час. Так ли это? Не ошиблись ли родители, давая имя дочери, родившейся в Рождественскую ночь?

ISBN 978-5-532-08212-0

© Фандеева Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пролог

Сознание возвращалось медленно. Ее, как будто раз за разом выбрасывало на поверхность воды, а затем опять опускало на дно. Вода давила, воздуха не хватало, дышать было трудно. А где-то там, с поверхности воды, она слышала знакомый тихий голос: – «Леди Ди, возвращайся, пожалуйста. Я без тебя жить не могу, я дышать без тебя не могу». И ей хотелось остаться на поверхности, и не погружаться больше в водную пучину. Остаться, чтобы иметь возможность дышать вместе с ним. Голова и бок грудной клетки отдавали болью. Девушка открыла глаза. В помещении стояла еще одна пустая кровать, свет был приглушенным, и она поняла, что это похоже на палату больницы. «Живая, – пронеслось в голове. – Где же Настя?» – подумала она, когда увидела входящего в помещение мужчину в белом халате, и на ее глазах появились слезы.

– Как твои дела? Что с глазами? Плакать тебе нет причины, – говорил доктор, которому было лет сорок, присаживаясь рядом. – Голова болит? Тошнит? Какие вообще ощущения?

Она слышала вопросы, понимала смысл, хотела ответить и не могла. Рот открывался, но неслышно было даже шепота. Доктор взял ее за руку.

– Не надо расстраиваться раньше времени. Все постепенно пройдет. Ты, девочка, перенесла сильное сотрясение мозга, нервное потрясение, а организм не был готов к этому и взбунтовался. Не надо его обижать еще больше. Договорились? Пройдет пара недель, и ты будешь и петь, и танцевать. Ты помнишь, что произошло с тобой? Да – моргни один раз, нет – два.

Девушка опустила веки один раз, открыла глаза и, посмотрев на доктора, жестом правой руки показала, что может отвечать ему письменно. Доктор вышел и вернулся с бумагой, которая была положена на папку, и ручкой. Девушка согнула ноги в коленях, взяла ручку и написала: «Где Настя Соколова? Она была со мной».

– Тебя доставили с молодым человеком. Я его, пару минут назад, насильно выставил из твоей палаты. Такой рыцарь у тебя настырный. Ему бы самому лежать, а он тебя караулил. Часов пять просидел рядом с тобой, – говорил он, читая на листе: «Сашка?» – Может и Сашка? Смирнов его фамилия. Я позвоню следователю, что ты пришла в себя. Он знает гораздо больше и сможет найти твою Настю, – сказал он, выходя из палаты, набирая номер телефона. Прошли пару минут, он вернулся и присел на край кровати. – Твоя подруга жива и здорова. Это она вызвала скорую помощь и твоего отца. Сейчас тебе сделают укол, ты часа два-три поспишь. Все разговоры со следователем утром, и родители будут с утра. Ты у нас с двадцати двух часов, а сейчас рассвет. Хочешь о чем спросить? Пиши. – «Все так плохо или терпимо?» – прочел он на листке. – Насилие всегда плохо. Это и физическая и моральная травма. Сотрясение, ушибы, ссадины и немота пройдут. Много зависит от тебя. Справишься? – спросил доктор, и получил в ответ кивок. – Да, для тебя будет важно знать: говоря о насилии, я не подумал, что ты можешь понять мои слова буквально. Дело до надругательства не дошло. Тебя избили и, видимо при падении, ты стукнулась головой. Это слабое утешение, но все поправимо, Диана Аверина. Получи свою дозу допинга, я еще зайду, – пропуская в палату медсестру, сказал он.

«Все поправимо, доктор, – подумала девушка, закрывая глаза. – Настя жива и здорова, папа придет утром, Марк оказался не только мажором, но жестоким подонком. А Санька? Доктор назвал его рыцарем. Неужели, я слышала его голос? Он ни за что мне не признается, даже если это и так. Чем дольше я его знаю, тем больше он мне нравится, а сказать ему об этом я не могу. Два года назад я, мягко говоря, поставила его на место. Мы продолжали дружить и не вспоминали об этом. А сейчас я в таком состоянии, что говорить о своих чувствах не лучшее время. Поживем, переживем, поправимся, а потом решим. Если конечно будет, что решать».

Глава 1

Диана Аверина родилась в Рождественскую ночь 1985 года, и с легкой руки отца, была названа именно в честь богини луны и охоты. С тех пор, как она себя помнила, отец очень редко бывал дома вовремя. Служба оперативным сотрудником в милиции не давала ему такой возможности, но все свободное от службы и сна время он проводил с дочерью. В основном же, воспитанием Дианы занимались мама, работавшая мастером на заводе, и бабушка – бухгалтер фабрики. Жили они отдельно от бабушки, но Диана была здесь частым гостем. Двухкомнатную квартиру в пятиэтажном доме получил отец Дианы году в восемьдесят четвертом, а бабушка получила однокомнатную квартиру, годами тремя раньше, попадая своим домом под снос. Диана не помнила, чтобы родители когда – либо ссорились и выясняли отношения. Семья жила дружно, хотя достатка особого никогда не имела. Кроме общеобразовательной школы, Дина училась в музыкальной школе с большой охотой. Ей было двенадцать лет, когда отношения в семье начали меняться. Отец вернулся из полугодовой командировки в Чечню, а годом раньше, завод мамы закрыли. Она, как многие другие, торговала теперь на рынке китайским ширпотребом, закупаемым оптом в областном центре. Денег катастрофически не хватало, и Наталья Аверина во всех бедах винила мужа. Александр же видел причину совсем в другом. Он не стал испытывать терпение жены, которую любил, уволился переводом и уезжал за триста километров в областной центр. «Ты подавай на развод, я возражать не буду. Причину придумай сама, но не выставляй меня дураком. Если сможешь, потерпи пару месяцев, пока я получу квартиру. Жизнь длинная, Диана растет. Может, надумает учиться в городе. Будем жить вместе», – сказал он прощаясь. Наталья не хотела даже себе признаться, что причина ее недовольства – Павел Китаев, который вернулся внезапно в город через столько лет. Он был на год старше ее, дружил с Авериним в юности, и она была в него влюблена.

Саша Аверин и Паша Китаев дружили со школы. Они были одного года рождения, между ними было много общего. Саша рано остался без отца, и с десяти лет, его воспитывала мама, которая преподавала в музыкальной школе. Для него же, чуть повзрослевшего, было большой пыткой посещать занятия в этой школе. Павел рос в семье, где мама была учителем немецкого языка в средней школе, а отец – мастером в строительном управлении. Он был на четыре года старше брата Анатолия. Его нелюбовь к немецкому языку была столь же сильной, как нелюбовь Саши к музыке. Как бы там ни было, но подросткам пришлось мириться с нелюбовью, когда родители поставили им условие. Чтобы играть в школьном ансамбле, один должен был окончить музыкальную школу, а второй, иметь не меньше пятерки за год по немецкому языку. После окончания средней школы, Александр Аверин поступил в школу милиции, а Павел Китаев, не пройдя в институт по конкурсу, через год отправился в армию. Вернувшись из армии, по совету друга, решил продолжить службу в милиции и попытаться еще раз поступить в вуз. Возвращаясь из кино, парни ввязались в драку за «правое дело», пытаясь при этом поступать по справедливости. Эта справедливость и вышла для них боком. Возможно, закончилось бы все синяками и ссадинами, если бы не смерть одного из участников потасовки. Обе компании были под градусом и обе не из простых смертных. Две белые вороны, трезвые, как стекло, оказались крайними. Но Аверин был ментом, знал, откуда растут ноги, и крайним сделали Китаева. Нашлись даже свидетели «рокового» удара Павла. Александру удалось поговорить с другом во время следствия, но разговор результатов не дал.

– Сань, прошу тебя, не лезь ты в это дело. Там все уже давно решено. Будешь суетиться, окажешься рядом со мной. Твоим прощом тебя слить, чем согласиться. Мы оказались с тобой ни в то время и ни в том месте. Парень умер не от побоев, а от падения. Давай закроем эту тему.

– Пашка, так нельзя и ты это знаешь. Зачем брать чужую вину на себя?

– Мы оба, Саня, знаем, что я его в драке даже не видел, не говоря об ударе. Только, кому это интересно? Мне дали понять, что чем дальше я буду настаивать на своем, тем больше вероятность переквалифицировать статью на более тяжкую. Ты видел кроме Наташи свидетелей? Нет? А они нашлись и поют хором одну песню. Как быть с этим?

– Мне, что прикажешь делать? Они не будут затягивать с судом, – возмутился Александр.

– Не суетись. Я мог бы спросить тебя о том же самом, поменяйся мы местами. Статья у меня не тяжкая и не повлияет на твою службу. Ты из ментовки не уходи, не делай им такой подарок, и Наташку не обижай. Обещаешь? – говорил Павел, прощаясь.

– Обещаю, – хмуро ответил Аверин.

Павла Китаева осудили на два года. «Наташка, ты меня не вздумай ждать. Выходи замуж за Саику, я домой не вернусь», – говорил он ей на свидании, куда она приезжала, как невеста.

«После этих слов, через месяц, я уступила Аверину и вышла за него замуж, – думала Наталья. – Теперь Паша вернулся. Вернулся в город через пятнадцать лет, тринадцать из которых мы не виделись».

Александр встретился с другом накануне своего отъезда летом девяносто седьмого. Он был в курсе возвращения Павла. До него и раньше доходили слухи о том, что Павел бывал очень короткими наездами в городе, но они доходили после его отъезда. Встреча прошла в квартире матери Натальи. Они не обнялись, а лишь пожали друг другу руку, и Александр этот факт для себя отметил.

– Паш, я перед тобой провинился? Почему ты скрывался от меня, приезжая к отцу в гости? Трудно было объявиться? Или здесь что-то другое? – спросил он, присаживаясь к столу.

– Понимаешь, Сань, я вроде вне закона, а ты при должности. Зачем тебе проблемы? – глядя на Александра, спросил Павел. – Это я сейчас Китаев Павел Иванович, который два года отбывал наказание за преступление, которое не совершал, а остальные годы, вроде, как и не жил, а если и жил, то на другой планете. Я не могу тебе всего рассказать, а врать не хочу. Все началось со службы в армии. Мне бы, дураку, согласиться продолжить службу, а я отказался. Мне кажется, что и суд был неким актом «устрашения». Меня приняли у ворот колонии, где я уже учил знакомый немецкий язык. Высшего образования я не получил, но немецким языком владею, прошел хорошую школу, где учат всему и учат прилично. Чем я конкретно занимался, тебе лучше не знать. Я редко приезжал домой, а не встречался с тобой не потому, что не хотел, а чтобы не создавать ни себе, ни тебе неудобства, – говорил Павел сдержанно.

– Криминал? – осторожно спросил Аверин, чтобы не обидеть друга. – Можешь не отвечать, я не настаиваю.

– Хуже, Сань. Ты у нас умный, чего не поймешь сейчас, позже додумаешь. Я жил по чужим документам, в разных широтах и делал то, что иногда не доставляло особого удовольствия. Я не знаю, каким словом определить направление моей специальности, – говорил он, накрывая на стол и доставая их холодильника бутылку с водкой. – Специальный агент – громко сказано, для киллера не дотягиваю, в работе своей гордиться и хвастаться не чем. Теперь мне дали «отпуск» за хорошее поведение, с проживанием на малой родине. Это не значит, что меня отправили на пенсию. Я слишком увяз в этом болоте. Дадут жить спокойно – буду жить. Займусь мирным трудом. Здесь меня знают, как бывшего заключенного и человека с криминальным прошлым, неизвестно, где прозябавшего столько лет. Пусть так и будет. Ты сам как? – поинтересовался Китаев, наполняя рюмки.

– Женился, закончил заочно институт, но дальше майора не продвинулся. После командировки, получил предложение в область, думал, Наташка обрадуется, а получилось иначе. Я ее не держу. Пусть подает на развод, возражать не буду. Я где-то читал, если не можешь сделать

женщину счастливой, отойди в сторону, не мешай другим. У меня этого не получилось, – с досадой говорил Александр. – Давай за нее, – предложил он и залпом выпил водку.

– Ты знаешь, а я ведь вас ревновал. Разумом понимал, что она вроде, как мне и не нужна, а в душе оставался осадок. Я мысленно представлял, кого угодно рядом с ней, но не тебя, – говорил Павел, наполняя рюмки. – Я ведь узнал о вас года через четыре, когда у вас дочка уже родилась.

– Дурак ты, Пашка. Ты сам просил меня, ее не обижать. А помог я ей, преследуя свои корыстные цели, – ответил Александр, залпом выпивая водку. – Она приехала с последнего свидания с тобой мало того, что расстроенной, еще и беременной. Ты знал, как я к ней относился. Она до сих пор думает, что я ни о чем не догадывался. Она любила тебя, я ее, а ты, друг, только сам себя. Женившись, я надеялся, что все изменится, а уж когда увидел дочку, совсем голову потерял. Я считаю Диану своей дочерью, нравится вам это или нет, а ты можешь, если хочешь, развеять сомнения. Наташа хорошая мать, внимательная, но нелюбящая жена, – он говорил, а Павел слышал в его голосе, ни обиду, ни упрек, а безнадёгу. – Я думал, командировка на Кавказ станет для меня шансом сохранить семью, но я ошибся. Ползание по горам не спасло ситуацию, а возвращение стало началом конца. Я думаю, она, узнав о твоём приезде, и решила на развод. Может у вас все сложится. Я не буду мешать ни тебе, ни ей, но с Дианой я буду видеться.

– Мне, Сань, водки не жалко, но ты реже прикладывайся, а иначе у нас разговора с тобой не получится, – говорил Павел, наполняя рюмки.

– Тяжело мне, но я не запью, не переживай. Так мне, Пашка, легче воспринимать сегодняшнюю реальность. Думаешь, легко на трезвую голову и ясную память отказаться от любимой женщины?

– Я не могу жениться на Наталье. Я ее не люблю, и давать лишние надежды не буду. Я не хочу, чтобы они стали моим слабым звеном. Понимаешь? Нас с ней ничего не связывает, – Павел смутился от такой откровенности и новости.

– Вас связывает дочь и ей всего двенадцать. Ты можешь ее не признавать, но и в обиду не давай. Возраст у нее сейчас сложный, переходный, а я не могу приезжать каждую неделю. Наталье не говори о том, что я давно раскрыл ее тайну. Молчит, значит так нужно, созреет – признается. Мои координаты у нее будут. Будет нужна помощь или совет, найдешь повод связаться со мной.

Они проговорили минут сорок, прежде чем расстаться. Не просто через пятнадцать лет встретиться двум друзьям, которых развела и разделила жизнь. Александр уехал в тот же вечер, а Павла, после его ухода, одолевали мысли. « Мне и в голову не приходило связывать свою жизнь с Натальей. Рога наставлять Сашке я не могу, как и жить с ней до их развода. Помогая ей с Дианой, я сам «пущу» такую молву по городу. Она не глупая женщина и должна понимать, что ее отношение ко мне тоже вызовет кривотолки. И что делать в такой ситуации? – думал он. – Наташка симпатичная, самостоятельная женщина. А что, если Сашка ошибается, и она не собирается связывать свою жизнь со мной? Начну с простой случайной встречи, а там время покажет». Мать Натальи Екатерина Васильевна, которой уже исполнилось пятьдесят пять лет, относилась к Аверину если и не с материнской любовью, то с уважением. Зять за тринадцать лет не дал повода для каких-либо упреков или претензий. « Насколько надо быть круглой душой, чтобы не любить такого мужика, – говорила она дочери. – Почему ты не поехала с ним в город? Пашка приехал, но он может, и думать о тебе забыл, как ты забыла, что он от тебя отказался». Проходило время, и через пару месяцев, мать сама стала советовать дочери: – « Я из ума, Наташа, не выжила и знаю, что Пашка из бандюков. Но ты, дочь, подумай, для нас в этом есть и свои плюсы. Во-первых, мы перестаем выживать, а начнем жить. Ты, дурочка, перестанешь мотаться за товаром и торчать на рынке зимой и летом. Не получится, разбежитесь, живя в гражданском браке. Во-вторых, подумай о Диане, о ее безопасности. Да, вы с ним

после разлуки стали другими, но ты же все еще любишь его, я вижу. Какая никакая гарантия защиты у нас появится, дочка. Павел дважды предлагать не будет», – советовала мать. Наташа рискнула и стала встречаться с Павлом в его квартире. Уже через полгода получив развод с Авериним, она с дочерью переехала в квартиру Китаева, и у Дианы появился не только отчим, но и своя комната. Девочка не была против того, чтобы мать выходила замуж. Она любила отца, любила маму, но понимала, что вместе они уже не будут, а маму нужно беречь и как-то жить мирно. «Дина, я в отцы не набиваюсь, один отец у тебя уже есть, но я не позволю тебе обижать мать сценами ревности. Если у тебя есть претензии ко мне, я выслушаю их, но только один раз. Излагай!» – предложил он за первым ужином в новой квартире. Диане нравился Павел Иванович, и у нее не было к нему ни претензий, ни вопросов. Он не повышал голоса, не пил, хотя от него иногда и исходил легкий запах алкоголя, не ругался матом, не употреблял жаргонных слов и совсем не был похож на местных «бандюков». Он интересовался ее делами в школе, покупал ей те вещи, которые она хотела, но не баловал. Он ее не воспитывал, не поучал, а, как будто, советовал. Настоял на том, чтобы она помимо музыки, занималась в любой секции борьбы. «Диана, ты должна уметь постоять за себя там, где не помогают слова. Правда, должна быть с кулаками, – говорил он. – Я очень хочу надеяться, что навыки тебе не пригодятся, но буду очень гордиться, если ты сумеешь за себя постоять». Диана не стала возражать, и пошла в секцию рукопашного боя. Сначала было просто интересно, позже втянулась и занималась больше двух лет. С отцом она встречалась не так часто, как хотелось бы ей. Он мог за год приехать раз десять, а мог ни разу за два-три месяца, но созванивались они каждую неделю в выходные дни с десяти до одиннадцати по домашнему телефону. Так, что бабушку Диана посещала каждую неделю, уходя к ней на переговоры. Окончив девятый класс и закончив обучение в музыкальной школе в две тысячи первом году, Диана с мамой поехали к морю. На обратном пути, мать оставила дочь на неделю на попечение отца, и Диана с отцом провела чудесно время на базе отдыха. Вернувшись домой, Диана узнала о сюрпризе, который им с матерью приготовил Павел Иванович. Он подарил им небольшое, но уютное кафе.

– Владейте, девчонки! Думайте, модернизируйте, включите фантазию, а Екатерина Васильевна будет вашим финансовым директором. Первое время, до открытия, я вам помогу, а потом, как сработаете, столько и получите карманных денег, – говорил он. – Ты, Диана готовишься два года к поступлению и помогаешь матери. Возражения есть? Ты не хмурься, подруга. Не пройдешь на бесплатное обучение, заплатишь за свое обучение сама из того, что зарабатываешь. Бизнес сегодня есть, завтра его нет. Я не лишаю тебя детства, оно закончилось в твои шестнадцать, и ты уже не ребенок. Смотри на мир ни через розовые очки. Если с чем не согласна, я тебя выслушаю, но только один раз. Возраст у тебя, Дина, сейчас сложный, «поперечный», а ссориться с тобой я не хочу. Излагай!

– Нормальный у меня возраст. Я буду работать, если это будет не забегаловка с пивом, а действительно кафе. Правда, я плохо пока понимаю, чем я могу помочь, но с ролью посудомойки, уборщицы или даже официантки, я думаю, справлюсь. Это даже интересно.

Кафе открыли месяца через три. Наталья Петровна нашла в помощницы себе двух кондитеров и дело пошло. Всего десять столиков в зале, а в ассортименте свежая выпечка, пирожные, кофе, чай, соки и мороженное. Шла торговля и на вынос. Кафе быстро набрало популярность, и посещаемость была высокой. В дни учебы Диана работала с пятнадцати до двадцати одного через день, и возвращалась домой с мамой. Один из выходных работала полную смену, а на каникулах – с утра до пятнадцати. За полтора года она привыкла к такому ритму в своей жизни. А еще, за это время, она пережила первое разочарование в молодых людях. Владислав Мельников был старше Дианы на три года и был студентом уже третьего курса. Они учились когда-то в одной школе и встретились в кафе, куда он пришел со своей младшей сестрой ровесницей Дианы. Диана Аверина влюбилась в него с первого взгляда. Уже вечером он ждал

ее у кафе на своем железном коне и подвез к дому. Они встречались недели три, пока дело не дошло до постели перед его отъездом в город.

– Влад, ты будешь мне звонить или писать? Когда мы теперь с тобой увидимся? – спросила она с надеждой.

– Нет никаких «мы» и видаться больше не будем. Ты мне понравилась, и я провел с тобой прекрасно время. Просто переспать я мог и с другой. В том, что произошло моя вина, но я мужик, а не мальчик, а о том, что я у тебя первый не мог даже предположить, иначе бы не был самцом. Зачем мне тебя обнадеживать и врать? Я не буду оправдываться. В городе у меня есть девушка. Извини.

– Это ты меня извини. Видимо я, в меру своего развития, чего-то поняла ни так и приняла желаемое за действительное. Запиши еще одну победу на свой счет, не забывая о моем возрасте. Ты ведь именно об этом сейчас думаешь? Я не стану от обиды на тебя делать глупости или жаловаться, но с условием, что ты сейчас уйдешь и никогда не попадешься мне на глаза. Не бойся и живи спокойно.

Стоя под теплыми струями душа, Диана плакала. Это были слезы разочарования и обиды. Обиды на саму себя. «Причем здесь он, если я сама позволила ему ВСЕ. У меня и мысли не возникло сопротивляться. Это был даже не интерес, а какое-то желание продолжения поцелуев. Каждое его прикосновение вызывало во мне нечто необыкновенное. Я не знаю, сколько длилось состояние невероятного наслаждения. Насилия не было, а значит, и упрекать мне его не в чем. Мало того, я должна быть благодарна ему за сексуальный урок, который не принес негатива. Возможно, он прав в том, что не обещал лишнего и сказал все как есть. А как быть мне, чтобы вычеркнуть его из головы и сердца?» – думала она. Выйдя из ванны, она не застала Мельникова в квартире. Наверное, Диана страдала бы дольше, но у нее появилась новая проблема в лице местного мажора. Марк Золотов, окончивший школу в прошлом году, приехал на зимние каникулы две тысячи третьего года и «воспылал» любовью к Диане. Он караулил ее повсюду. Терпеть его присутствие было бы возможным, если бы ни его поведение. Он вел себя так, как будто Диана была его девушкой и довольно давно, причем с близкими отношениями. Домой Диана возвращалась без настроения, обиженная поведением Марка и Китаев это заметил.

– Что у тебя случилось? Ты, как будто не рада каникулам? – спросил Павел Иванович. – Если это дела любовные, поговори с матерью, а если нет – выкладывай мне.

– Марк Золотов достал меня не только своим вниманием, но и нездоровым интересом. Я иногда его боюсь. Откуда он взялся на мою голову? Заявить нагло мне такую гадость: – «Сказал, что ты будешь моей, значит, будешь. Тебе меня ни за что не остановить». Вы считаете его заявление нормальным?

– Сынок мясного короля? Я разберусь с ним. На глупых людей не стоит обижаться, а сказать и сделать разные вещи.

– Да, принц мясного королевства. Вам нужны неприятности? Он же в городе неприкасаемый, от того и ведет себя так, – сказала Диана. – Не связывайтесь с ним. Лучше я дома посижу.

– Тебе не надо его бояться, а тем более портить себе отдых. Я просто с ним поговорю, не устраивая потасовок, между делом. Все будет нормально, – успокаивал ее Павел Иванович.

Вечером следующего дня, проводя время с друзьями на катке, Диана заметила отчима, который на коньках «выписывал» фигуры, а он, в свою очередь, наблюдал за действиями такого назойливого «ухажера». Между катанием он подъехал к Марку.

– Ты Марк? Поговорить надо, – сказал Павел Иванович и, не дожидаясь собеседника, отъехал чуть в сторону.

– Ну? – спросил Марк, подъезжая следом. – О чем базар?

– Я не лошадь, можно без «ну». Вы, юноша когда-нибудь слышали или может, случайно, видели старый художественный фильм с названием «Ворошиловский стрелок»? Очень советую

посмотреть для общего развития и послушать сейчас меня очень внимательно. Если, с головы Дианы упадет, хоть один волосок, а на лице появится, хотя бы одна слезинка по твоей милости, поступлю, как герой фильма, и пристрелю тебя, как собаку. Ты меня понял?

– Ты, дядя, знаешь, кто мой отец в городе? – надменно и нагло спросил Марк, сплевывая на лед. – Рука не дрогнет?

– Я не только знаю, кто он, но и имел честь отсидеть по его милости два года. Так что он мне еще должен за свою трусость и спокойствие. Интересуют подробности – спроси у него об этом сам. Рука не дрогнет, обещаю. Отстрелю все то, что ниже пояса. Понял? Можешь не прятаться за папину спину, я тебя и там достану. Я тебя предупредил, а выводы сделаешь сам.

– Ты чего за нее заступаешься? Кто ты такой вообще и кто она тебе? Или сам глаз положил? С тебя же песок сыплется.

– Диана моя дочь, а я, Павел Китаев. Отстань от девочки и не делай лишних телодвижений в ее сторону. Я говорю с тобой по-хорошему в первый, но и в последний раз, – сказал он и продолжил катание.

То ли разговор Китаева подействовал на Марка, то ли каникулы у него закончились, но он перестал преследовать Диану. Она успокоилась и забыла эту историю. В январе две тысячи третьего года ей исполнилось восемнадцать, а впереди ее ждали экзамены за курс средней школы. Ей нравились молодые люди, но, ни к кому из них, она не испытывала чувства влюбленности и не считала это своим недостатком. При росте сто шестьдесят пять, она весила пятьдесят пять килограмм. Длинное каре из густых темных волос, правильные черты лица, карие глаза. Если чего и не хватало в ее внешности, так это одного-двух размеров груди. Симпатичная, молодая, здоровая девушка, которая знала, чего хочет и что может, о чем стоит мечтать, а о чем на время лучше всего забыть. Она сдала экзамены и подала документы в университет на юридический факультет. Узнав из приказа о своем зачислении на первый курс бюджетной формы обучения, она начала готовиться к переезду в областной центр. Мать и отец, еще с зимы, настаивали на том, чтобы она жила в квартире с отцом, где было две комнаты, но Диана отказалась наотрез. «Мама, ты замужем, наверняка, у папы тоже есть женщина. Зачем я буду создавать своим присутствием им неудобства? Пусть она будет самая распрекрасная, но мне будет спокойнее в общепитии», – обосновала она свой отказ.

– За хорошую учебу и примерное поведение, будешь, Дина, жить в съемной квартире, – говорил Павел Иванович, пакуя ее вещи в машину. – Будут жаловаться соседи, съедешь в общепитие без всяких разговоров. Уяснила, студентка? – Он купил эту квартиру, недалеко от университета, специально для нее. По документам, она и принадлежала ей, но раскрывать карты Павел Иванович пока не спешил. – Я оплатил за полгода вперед. Тебе не придется ни о чем беспокоиться. Отвезем твои вещи вдвоем, а мать приедет поездом в выходной, купите, чего не будет хватать. Квартира однокомнатная, но с мебелью, после ремонта. Тебе в ней будет удобно и спокойнее.

Павел Иванович помог перенести ей вещи из машины, передал ключи от квартиры и попрощался со словами: – «Я обязательно приеду, но позже, когда ты немного обустроишься, а сейчас мне пора ехать. К вечеру я должен быть дома. Будешь скучать, звони или приезжай. Вечером села, утром дома и наоборот. Увидишь отца, передавай привет». Проводив Китаева, Дина прошла по квартире, где она была первый раз. Квартира была однокомнатной и располагалась на пятом этаже девятиэтажного кирпичного дома. Справа от входной металлической двери, замаскированной под дерево, была красивая деревянная застекленная дверь в комнату. Комната была метров двадцать с большим окном. У стены, соседствующей с прихожей, за дверью стоял плательный шкаф, вдоль правой стены расположился большой диван, за ним кресло, ближе к окну компьютерный стол с креслом и настольной лампой. Вдоль левой стены стоял небольшой набор для гостиной, с дверцами и ящиками, а между ними, на импровизированном столе стоял небольшой телевизор. «Здесь уместилось бы мое пианино, которое продала

мама», – подумала Диана, выходя из комнаты. Напротив комнаты, слева от входа, небольшая вешалка на стене, а под ней тумбочка под обувь. Дальше, вдоль стены, был большой встроенный шкаф на всю высоту с зеркальной дверью. Напротив входа расположился совмещенный санузел. Небольшая ванная, унитаз, раковина и стиральная машина «Сибирь». На стене большое зеркало и полочка. На полу и стенах светлая плитка, на потолке пластик. Рядом с санузлом была дверь в небольшую кладовую. Здесь не было ничего кроме деревянных полок. Дальше комнаты располагалась кухня, из которой вела дверь на лоджия. Лоджия выходила во двор дома, была большой и застекленной, с деревянным полом. Кухня была мечтой любой хозяйки. Она занимала метров двенадцать. По левую сторону набор из столов и шкафов, мойки, плиты и холодильника. С правой стороны стоял небольшой обеденный стол с угловым диванчиком и двумя табуретами. Вся квартира была в светло-бежевых тонах от обоев, плитки, линолеума, мебели и дверей. Белыми были пластиковые окна, холодильник, плита и ванная комната. Все светильники были очень гармоничными, хотя без бронзы и хрусталя. Диана присела на табурет и улыбнулась собственным мыслям. «Повезло мне с отчимом. За пять лет, прожитых с ним под одной крышей, у меня не было к нему претензий. Он меня не баловал, покупая подарки, но и не воспитывал, – думала она. – После нашего с мамой переезда в его квартиру, он только раз за ужином и сказал: – «Дина, я в отцы тебе не набиваюсь, и покупать твое отношение к себе, не думай, не собираюсь. У меня только одно условие для нашего совместного проживания: либо ты принимаешь меня без сцен ревности к матери, либо возвращаешься к бабушке. Обижать мать я тебе не позволю, а общаться с отцом ты можешь в любое время вне стен этого дома. Я понятно объяснил?» Что мне было думать? У меня была своя комната, в холодильнике всегда была еда, мама была рядом, бабушку я видела часто. Моей единственной работой по дому была уборка, с которой я справлялась и учеба. Так что жили мы с Павлом Ивановичем дружно. Это он устроил поездку на море, где я побывала в первый раз, а потом подарил кафе маме. Теперь мне снял квартиру, а это не дешевое удовольствие. Здесь недавно сделали ремонт и мебель с техникой новая. Еще чувствуется запах. Он не похож на бандита, больше похож на бизнесмена средней руки в нашем городке, а иначе меня еще в школе бы доставали. Человек он хороший. Маму не обижает, с бабушкой дружит. Свой автосервис у него. С папой мы виделись не часто. Он приезжал на день-два раз в два-три месяца, но сейчас мы будем жить в одном городе, а значит и встречаться можно будет чаще. Сделаю уборку, разложу все по местам, проверю, чего мне не хватает до полного счастья, наведу порядок, куплю продукты, позвоню ему и приглашу в гости. О моем поступлении он знает, теперь будет знать и о месте моего проживания».

Бытовые проблемы у Дианы начались практически сразу. В квартире не оказалось ни тазика, ни ведра, чтобы начать уборку. Обойдя квартиру еще раз, она заметила много мелочей, без которых не обойтись в дальнейшем. Штора для ванны нужна в первую очередь, как прищепки и веревка для белья. Тазик, ведро и ни одно, пакеты под мусор, тряпка для пола, швабра, салфетки и туалетная бумага, ершик для туалета, чистящие средства, мыло, стиральный порошок – все это она записывала на листке. «Зачем я буду ждать приезда мамы, если не смогу напоить ее даже чаем. Нужно купить все до ее приезда. А папу, как я напою чаем, если чайника нет? – рассуждала она, собираясь покинуть квартиру. – Зайду в супермаркет и куплю то, что попадется на глаза, и без чего я не обойдусь до завтра. Завтра пойду целенаправленно за всеми остальными покупками». Она позвонила отцу в начале пятого, после полудня.

– Пап, есть свободная минута? Я в городе. Будешь свободен, приезжай посмотреть, как я устроилась, – сказала дочь, назвала адрес и подумала об отце: «Пять лет прошло, а он и не женился. Нельзя ставить на себе крест в сорок лет».

Отец приехал в начале восьмого вечера, позвонив в домофон и поднимаясь на лифте. Диана ждала его у открытых дверей. Аверин обнял дочь, поцеловав ее в макушку.

– Это нам к чаю, – протянул он ей упаковку с тортом. – Ставь чайник и показывай свои хоромы, – улыбаясь, сказал он, обходя квартиру. Он не мог сказать дочери, что бывал здесь и

ни раз, что ремонт контролировал сам, а мебель куплена исключительно на его вкус. «Павел купил квартиру, ремонт решили сделать сообща, а мебель он доверил выбирать мне», – думал он. – Диана, тебе самой нравится, дочка?

– Мне нравится здесь все и не надо иронизировать. Твои апартаменты не намного больше. Повешу шторы, и она оживет.

– Ты на что их вешать собралась? К шторам нужны гардины, гардины крепятся к стене, либо к потолку. Так что шторы твои отпадают, пока не определишься с крепежом. Зачем они тебе вообще? Этаж высокий, дома напротив метрах в ста, но ты хозяйка тебе виднее. Ты город немного знаешь. Садись на маршрутку и шопингуй хоть целый день.

– Пап, как думаешь: во сколько обошлось такое удобство и комфорт? – спросила она, глядя отцу в глаза.

– Тебе это так важно? Весь спрос с Павла. Он это затеял, ему и ответ держать. Приедет, у него и спросишь, – ответил отец, помыв с мылом руки под краном. – Давай мы с тобой будем пить чай и отмечать твое новоселье. Мать, когда приедет?

– В субботу. Но я думаю все сделать до ее приезда. Мама у нас, попадая в магазин, забывает, зачем конкретным мы туда приходим. Бывает, что возвращаемся с теми покупками, которые мы даже не планировали делать, – с улыбкой рассказывала Диана. – В первую очередь мне нужны такие мелочи, которые не нуждаются ни в чьей подсказке.

Они проговорили больше часа, прежде чем отец собрался уходить. Пройдя в комнату, он открыл ящик набора и положил в него конверт.

– Это что за фокусы? – спросила Дина, зная ответ на свой вопрос.

– Согласно приметам, проверишь утром. Там не так много, но на шторы, думаю, хватит, а на гардины добавишь, – шутя, ответил отец. – Будет нужна помощь, обязательно звони. Быстрый приезд не обещаю, но буду знать, что ждешь.

– Пап, я сняла деньги со счета. Ты зря беспокоишься. Я обязательно попрошу, в случае необходимости, у тебя помощи. Мы с тобой говорили об этом.

– Не заводись. Если мама уедет в субботу вечером, позвони мне, и мы попробуем провести воскресенье вместе. Пока, дочка.

До приезда мамы Диана купила не только мелочи, и продукты, но и заказала шторы. Уже на завтра мастера укрепили гардины для штор, а через день, к вечеру, шторы висели на своих местах. В комнате они были плотными, однотонными светло-коричневого цвета с ламбрекеном из шелка, а тюль белого цвета с вышитым рисунком в тон. На кухне висел только тюль в форме арки с рисунком. На лоджии была натянута бельевая веревка, а в ванне штора для ванн.

– Как у тебя уютно, – сказала мать дочери, обходя квартиру. Паша мне не говорил о шторах. Я, можно сказать, приехала, чтобы тебе помочь в этом деле. У меня будет к тебе только одна просьба: не устраивай здесь дом свиданий или ночной клуб. Пусть тебя любят и дружат с тобой, а ни с твоими квадратными метрами.

– Не переживай, я умею выбирать себе друзей. Ты с какой миссией приехала? Можешь дать совет, помочь, но решения я приму сама. У меня папа был в гостях в среду.

– Ты знаешь, мне кажется, в комнате нужен ковер на пол. Пусть он будет не натуральный, и пылесос. Что у тебя с одеждой? – говорила мать, пропуская мимо ушей слова дочери. – К осени надо купить пальто или куртку, сапоги или ботинки. Подумай.

– Я посмотрю, в чем ребята ходят на занятия, и определюсь. Верхняя одежда у меня есть, а вот обувь надо купить на осень. С ковром я согласна. Давай позавтракаем и часов в девять поедем на рынок. Сможешь приехать через пару месяцев, посетишь сама мой университет, все увидишь и поймешь, что мне нужно. Не будем раньше времени ссориться по поводу моего гардероба. Хорошо?

– Я не буду с тобой спорить. Имей в виду, что в октябре уже будет не прохладно, а холодно по-осеннему. Покупать посуду будем?

– Мам, я купила две кастрюли, тарелки, сковороду, чашки и прочую мелочь. Пройдись по ящикам и шкафам, сама все увидишь.

Они купили красивый овальный ковер на всю длину комнаты и небольшой пылесос, которые должны доставить ближе к вечеру. Мама не навязчиво предложила дочери несколько вещей, которые Диана даже примерила, а мама купила их без ее согласия. А вот обувь Диана осталась довольна. Теперь у нее не было проблемы на осень. Они пообедали в ресторане, а ужин приготовили дома. Ковер расстелили, пылесос и вещи убрали. Мать вручила дочери конверт с деньгами со словами: – «Это тебе за шторы и, давай, без разговоров». Вечером Диана проводила мать на вокзал и позвонила отцу. Полноценного выходного у них не получилось, но с десяти до пятнадцати они провели его вместе.

– Пап, возьми меня в помощницы по хозяйству. Я могу до занятий готовить тебе обед, раз в неделю наводить порядок в квартире, – говорила Диана, сидя напротив отца в кафе и глядя на него.

– Ты думаешь, я совсем безрукий и ничего не умею? Голодаю и живу в хлеву? – с улыбкой спросил отец.

– Ничего я не думаю. Мне просто хочется тебе помочь. Пап, почему ты не женишься?

– Я уже был женат, если ты не забыла. Перевоспитывать меня уже поздно, а такого, как есть, выдержит не каждая. Я считай, живу на службе. Любой женщине нужно внимание. Достаток не заменит нежности, а нежность не всегда оправдывает нищету. Мы с мамой не прошли это испытание. Я сказал ей, что не могу без нее, а она ответила, что не может со мной. Влюбишься, сама все поймешь. Только не позволяй себя обижать и сама не обижай. Обида иногда затуманивает разум, и человек делает необдуманные поступки. Ты мне скажи: почему ты выбрала юрфак?

– Пап, если честно, то я не знаю. Мне показалось, что он самый «живой» и интересный. Я не вижу себя ни учителем, ни врачом, ни экономистом по разным причинам. Юрист нужен и в милиции, и в гражданских службах. Другое дело, нужны ли будут эти профессии через пять лет. Вот готовят инженеров разного направления. А кому они нужны среди развалившихся заводов и замороженного строительства? Я глупая, да?

– Тебе всего восемнадцать. Передумаешь, можешь сменить профессию. Целуй вечно занятого отца. Я тебе буду звонить. Надумаешь навестить мою квартиру в мое отсутствие, ключ в соседней квартире номер сорок четыре у Людмилы Ивановны.

Отец и предположить не мог, что дочь нанесет ему визит уже на следующий день. «Изнывать одной в квартире от безделья не хочу, а болтаться по городу без цели не интересно, – решила Диана. – Деньги у меня есть. Устрою полковнику инспекцию». Она начала с рынка, и сделав покупки, приехала к дому отца, у которого здесь была двухкомнатная квартира, на маршрутке. Позвонив соседке в домофон, она поднялась на этаж, где та, любопытства ради, уже ее ожидала. Диана коротко рассказала о поступлении, о съемной квартире и о визите к отцу инкогнито.

– Ты почему не стала жить с отцом? Не пришлось бы тебе приезжать специально?

– Тетя Люда, я взрослая, а ему жениться надо. Ревности не будет, а вот неудобства я ему создам, – говорила Диана, открывая входную дверь. – А если сама замуж соберусь? Как папа отнесется к моему выбору? Будем жить отдельно, будем роднее.

– Так не водит он сюда никого, но ты, девочка, в чем-то права.

Диана начала с холодильника в кухне. «Ох, как не прав был полковник, когда говорил, что не голодает», – подумала она, протирая практически пустой холодильник. Здесь лежал кусочек мумифицированного сыра, стоял открытый пакет с кефиром, срок годности которого трудно было определить. Пара пожелтевших огурцов и пять яиц. Все это добро Диана сложила в пакет на выброс. Разобрала пакет со свежими продуктами, определив их на полки холодильника. Поставила варить бульон и только после этого прошлась по квартире. В комнатах был

порядок, если не считать тонкого слоя пыли. Квартира отца была похожа на ее съемную, только напротив кухни была еще одна комната. Она прошла в ванную, где в корзине для белья обнаружила постельное белье и вещи отца. Диана помнила, что отец всегда, после душа, сам стирал свои носки и трусы. Среди белья их не было. Она проверила шкаф, обращая внимание на манжеты и воротники рубашек. В шкафу висели кителя и пиджаки отца после химчистки. Он не убрал с них ни чехлы, ни бирки. Все вещи лежали аккуратными стопками. « Кто же тебе стирает и утюжит?» – подумала она, снимая с кровати белье. Набрала горячей воды в машину и начала стирку с рубашек и маек. Между приготовлением обеда и ужина, стирались полотенца и постель, сушилось белье после центрифуги на лоджии и в ванне, а под занавес, стирались темные футболки и джинсы, пока протирались пыль и мылись полы. Поутюжив и разложив белье и вещи по местам, она написала отцу короткую записку, убрала в холодильник приготовленную еду и покинула квартиру в 18:30, прихватив с собой пакет с мусором и передав ключи соседке. « Мне не трудно это делать раз-два в неделю, а папа будет чувствовать заботу», – думала она, садясь в маршрутку. Отец перезвонил ей в двадцать два часа.

– Спасибо, дочка. Я так вкусно давно не ужинал. А чем пахнет белье? – спрашивал довольный отец.

– Я одолжила несколько капель твоей туалетной воды. Тебе не понравилось? У тебя плохой стиральный порошок. В следующий раз я принесу хороший. Заеду в среду или в четверг, и не надо со мной спорить. Если мне эта затея надоест или станет в тягость, я тебе сообщу об этом. Спокойной ночи.

Глава 2

Время до начала занятий пролетело быстро. Группа оказалась дружной и на редкость «одного поля». Складывалось впечатление, что всех иногородних студентов отделили от городских именно таким образом. Иногороднего студента, будь он отпрыском родителя трижды состоятельнее городского, всегда недолюбливали. Диана училась, встречалась с друзьями, но два раза в неделю навещала квартиру отца. Был он дома или отсутствовал, для нее разницы не было. Спорить с дочерью отец считал излишним, и выдал ей дубликат ключей. Виделись они не часто, а созванивались каждый день. Новый 2004 год, Диана встретила в своем городе. Она очень скучала и приехала за четыре месяца в первый раз всего на три дня. У нее начиналась сессия. Она встретила свою первую, но несостоявшуюся любовь у кафе.

– Здравствуй, Диана, – сказал, явно удивленный, Владислав. – Ты превосходно выглядишь. Как твои дела?

– Все хорошо. Учусь и живу в городе. Приехала на три дня, очень скучаю. Ты, извини, у меня дел много.

– Давай я тебе помогу, – он протянул руку, чтобы взять пакет.

– Это лишнее. Я отлично справлюсь сама. Если ты помнишь, я просила тебя не попадаться мне на глаза. Тебе нужны проблемы?

Она, не дожидаясь ответа, пошла прочь. Мельников смотрел ей в след и думал: «Девочка выросла и знает себе цену». Уже на следующий день он знал, где учиться Диана, чем занимается и с кем из местных дружит в городе. Диану эта встреча и обрадовала, и огорчила. Ее одолевали сомнения: правильно ли она поступила, не поговорив с ним? «Что стоило просто послушать его, узнать: чем занимается и как живет? Окончил ли обучения? Женат ли? За семестр я так и не нашла «предмета» обожания, – думала она. – Один Смирнов обратил на меня внимание, а точнее на мои квадратные метры», – она улыбнулась, вспоминая свой разговор с Александром Смирновым. За неделю до отъезда домой, они компанией выбрались в выходной на каток. Сашка, живущий в общежитии, взялся ее проводить домой и даже напросился на чай.

– *Леди Ди, а ты неплохо устроилась, – оглядывая квартиру, говорил он. – Не скучно одной? – спросил он, глядя в ее глаза. – Если у тебя нет друга, может, я на что сгожусь? Обещаю, скучать не будешь, а за аренду можно платить пополам.*

– *Сань, тебе нужна я или мои, несколько уютные, квадратные метры? Как-то ты внезапно воспылал к моей персоне и чувствую, что неспроста. Почему? – включая чайник, спросила Диана.*

– *Почему? Мы с тобой взрослые люди. Ты мне нравишься не меньше, чем твои квадратные метры. Предложение разумное, если ты, конечно, его примешь. Будем вместе жить, вместе учиться. В чем проблема?*

– *Спать мы тоже будем вместе? – улыбаясь, спросила Диана.*

– *Я тебе не симпатичен, не подхожу? – напрямик спросил он, глядя ей прямо в глаза. – Что со мной не так? Давай начистоту.*

– *Дело во мне, Сань. Для того чтобы, мне, как ты говоришь, совмещать приятное с полезным, я должна испытывать к сожителю хоть какие-то чувства, кроме дружеских, а не быть просто объектом сексуальных потребностей. Я не многое теряю? Ты хороший друг, но партнера я в тебе не вижу, извини.*

– *На нет и суда нет. Я был на девяносто процентов уверен, что ты откажешься, но десять процентов оставались. Не обижайся. Я предложил, ты отказалась. Это не отражается на нашей дружбе?*

– У нас с тобой впереди больше четырех лет учебы. Мы будем с тобой дружить с одним условием: мы не возвращаемся больше к этой теме. Согласен? Тебе эта мысль, когда пришла в голову? Сам придумал или кто подсказал?

– Согласен. Тебе напомнить о том, что у нас в группе живут парами и ничего. Я подумал: почему бы и мне не рискнуть?

– То-то и оно, что ничего: ни хорошего, ни плохого. Квартиры снимают ребята, а девчонки перебираются к ним ни все от большой любви, и ты это знаешь. Ты уверен, что такой тандем у половины из них надолго? Я лично сомневаюсь. Мне девчонок искренне жаль. Ни у всех ребят слова и поступки совпадают. Очень удобно всегда иметь под рукой и подружку, и кухарку, и прачку. Но наступает такой момент, когда нужно не только брать, но и отдавать, и здесь начинается перетягивание каната. Мы знакомы с группой меньше полугода, мало общаемся вне стен университета, мы не знаем друг друга. Они быстро влюбляются, теряют голову, привыкают к хорошему, а гарантий на продолжение, даже короткого, нет. Дай, Бог, чтобы такое проживание заканчивалось без взаимных упреков и вражды. Возрази мне, если я не права.

– Ты спрашивала, почему я тебя называю леди Ди. Отвечаю: во-первых, из-за имени, во-вторых, из-за рассудительности. Так рассуждали в прошлом веке. Ты слышала выражение: «Жить здесь и сейчас»? Вчера уже прошло, завтра еще не наступило. Когда ты собираешься жить? Да, можно ошибиться, обжечься, ты живой человек, но не выстраивать вокруг себя забор из колючей проволоки. Я говорю тебе ни о себе лично, а вообще.

– Я действительно, со стороны, выгляжу несовременной? – задала вопрос Диана, разливая чай.

– Мыслишь ты несовременно. Ты симпатичная, модная, и, поверь, многим нравишься. Но ты, мало того, что практичная и умная, еще и очень самостоятельная девушка, а это, как раз, и не приветствуется моими современниками.

– По твоим выводам, я должна стать проще, доступнее и народ ко мне потянется. А что я буду с ним делать? Я согласна жить, ошибаться, но с человеком, который мне дорог, к которому я буду испытывать интерес, влюбленность, страсть. А ты мне предлагаешь жить без чувств, на природных инстинктах.

– Дин, ты даже не заметила, что я тебя, последней частью нашего разговора, провоцирую. Остынь! Успокойся, дуриха! Я не думал, что тебя это зацепит за живое. Извини. Меня иногда заносит не по делу, – говорил Александр, явно довольный собой.

– Чего тебя вообще занесло в мою обитель? Чай допивай и дуй к себе в общежитие, провокатор несчастный.

Александр Смирнов был обычным успевающим студентом. Он не выделялся ни внешне, ни высоким ростом, но, как-то так получалось, что был среди однокурсников «своим» парнем. С ним если и не дружили, то относились уважительно. Его ценили за ум, за фантазию, за коммуникабельность, за то, что он мог разрешить любой конфликт или недоразумение. Одевался просто, но, что немаловажно, со вкусом. Он, простую карамель, мог преподнести девушке так, как будто это был букет роз. «Держи, это тебе!» – говорил он, и девушка не могла не обратить на это внимание. О нем вздыхали, но он не выделял, ни одну из них, не давал надежд и не обижал девчонок. Он не посещал спортзал, клубы, а все свободное время работал в автомастерской.

Проведя три выходных и встретив Новый 2004 год с мамой, отчимом и бабушкой, Диана вернулась в город, готовиться к первой сессии. Свой девятнадцатый день рождения она встречала в ресторане с отцом. Он специально затеял это мероприятие, чтобы на пару часов отвлечь дочь и поужинать. Ресторан был небольшой, уютный с живой музыкой, которую «выдавал» пианист. Он играл классические произведения и современные композиции. Музыка звучала

негромко, и было ощущение домашней атмосферы. Люди отдыхали. Посетителям было от тридцати до шестидесяти лет.

– Пап, неужели такие места еще бывают? – оглядывая все вокруг, спросила Диана. – Здесь домашняя атмосфера. Как будто мы с тобой в гостях у знакомых.

– Тебе здесь нравится? – спросил отец, принимая меню у официанта. – Я здесь иногда ужинал, до твоего переезда.

– Мне очень нравится. Уютно, а главное тихо и спокойно. Люди действительно пришли поужинать, пообщаться, отдохнуть, а не отплясывать под громкую музыку.

– Ты бы так смогла сыграть, как маэстро? Ноты не забыла? – глядя на нее пристально, спросил отец.

– Так, как он, я не смогу. Он профессионал, а я любитель. Мы с бабушкой на Новый год устроили хоровое пение. Смеху было.

– Дина, спой для меня что-нибудь, пожалуйста. Здесь это практикуют, – попросил отец.

Дина не стала перечить отцу, вышла из-за столика, подошла к пианисту, сказала ему что-то тихо, и он уступил ей место. Удобно устроившись за инструментом, взглянула на отца и улыбнулась.

– Простите мою самодеятельность, я хочу спеть для своего папы песню Анастасии Чешегоровой. Она так и называется «Папа». – Она пробежала пальцами по клавишам, давая себе возможность почувствовать инструмент, и негромко запела:

– «На тебя смотрю с улыбкой – как похожи мы с тобой.

Для меня ты самый близкий, самый добрый и родной.

Ты глазам своим не веришь – стала взрослой дочь твоя.

Я хочу сказать спасибо. Папа я люблю тебя.

Стала взрослой я уже, но ребенок я в душе.

Для тебя – я дитя.

Дочкой папиной была и останусь навсегда. Навсегда».

Диана пела и смотрела ни на клавиши, а на отца, который подперев голову рукой, смотрел на нее с восхищением и отцовской любовью. «А в минуты, когда слёзы заполняли всё вокруг, ты учил

меня быть сильной. Папа, ты мой лучший друг!» – продолжала она, не замечая никого в небольшом зале. Были аплодисменты, еще одна негромкая песня, были танцы, и был вопрос Дины:

– Пап, у тебя неприятности? Я вижу. Что случилось?

– Думаю, зря ты пошла на юрфак. Может случиться так, что я не смогу тебе помочь с трудоустройством, – ответил грустно отец.

– Это не все, мой дорогой, рассказывай. До окончания учебы больше четырех лет. За это время или ишак сдохнет, или падишах, как ты говоришь. Здесь что-то другое. Ты знаешь, я иногда смотрю фильмы по НТВ и знаю, что, как минимум пятьдесят процентов в них, суровая правда: взятки, поборы, развал дел, оборотни. Тебя что в этом напрягает? – спрашивала дочь, надеясь на правдивый ответ.

– Я устал бороться с ветряными мельницами. Я сам далеко не святой, но то, что происходит в данное время, ломает все понятия о чести. Дальше будет только хуже. Берут все: от посто-

вого до начальника, от прокурора до судьи, при этом вылавливают мелкую рыбешку, а осетры продолжают держаться на плаву. Если ты не подходишь по нужному калибру, тебя выщелкивают из обоймы, как холостой патрон. Когда было, чтобы милиция крышевала притоны, поставщиков паленой водки, наркотиков, контрабанды? Десять лет назад были бандиты, воры, их группировки и милиция. Сейчас приличные бизнесмены разного уровня, вышедшие из криминала, диктуют условия этой милиции, платят приличные деньги и сами съедают неугодную рыбешку. Я боюсь за твое будущее, дочка. Дослужу до осени, если дадут и уйду на пенсию.

– Могут не дать? – спросила Диана, внимательно глядя на отца. – Зачем тогда ждать осени?

– Они все могут: и уволить без выходного пособия, и под статью подвести. Ты сама говоришь, что смотришь кино и новости. В новостях пять процентов реальной информации, остальное можно домыслить, просматривая очередной фильм. В кино есть одна неправда: после драки, от некоторых ударов, ты уже не встанешь, а пулевые ранения, чаще приводят, если не к смерти, то, как правило, к инвалидности и списанию на пенсию, – говорил расстроенно отец.

– Пап, а ведь ты разговор этот не просто так затеял. Тебе реально что-то грозит?

– Успокойся! Я пока нужен родному ведомству. В ближайший год, два меня не тронут, а вот, если я сам себе пулю пущу в лоб, ты будешь знать, что я не собирался заканчивать жизнь так рано и таким образом. Мы с тобой видимся не так часто, разговоры о службе не ведем и я не хочу, чтобы начали действовать через тебя. У меня кроме тебя нет никого. Будь осторожна в новых друзьях, знакомствах, по ночам старайся быть дома. Дина, это могут быть ненужные меры предосторожности, но мне будет спокойнее. Ты мне обещаешь?

– Я буду осторожна и осмотрительна. Я даже запишусь в тренажерный зал в соседнем доме. Когда-то я занималась борьбой и надо только форму набрать. По вечерам я не гуляю. Нет повода для волнения, – пыталась успокоить Диана отца.

– Давай сменим тему, и ты расскажешь, как у тебя дела на личном фронте, – улыбнулся отец.

– Ты не поверишь, но пока без перемен. Встретила недавно свою первую неземную любовь, но расстроилась или растерялась, что даже не поинтересовалась: где он и как? Среди сокурсников есть друзья, но не близкие, есть подруга. Мне всего девятнадцать. Какие мои годы?

Отец отвез ее после ресторана домой и, уступив уговорам дочери, остался ночевать.

– Ляжешь на диване, а я разберу себе кресло. Чайник только поставлю.

Чайник вскипел, а отец уснул, положив голову на диванную подушку. Диана осторожно подняла его ноги на диван и прикрыла спящего пледом. Приготовила себе кресло для ночлега, погасила свет в комнате, оставив свет ночника в прихожей. Переодевшись, она пила чай в гордом одиночестве, переваривая разговор с отцом. Диана знала, что работа для отца на первом месте, и если он завел разговор именно о ней, значит, система дает сбой. Она легла спать с надеждой, что проведет выходной день в его компании. Разбудил ее звонок телефона отца.

– Вот тебе и Рождественский выходной, – проговорил он недовольно. – Пока глаза продеру, доберусь, переоденусь, доеду – полдня пройдет.

– Пап, брюки снимай, пока ты будешь в ванне, я приведу их в порядок. Здесь щетка, бритва, чистое полотенце и трусы с носками. Майку я не купила, а вот новая рубашка у нас есть.

Отец поцеловал ее в макушку, бросив брюки на диван, и пошел в ванную. Он отсутствовал минут семь-десять. За это время на плечиках уже висели отутюженные брюки, темно-синяя рубашка с длинным рукавом и черные носки. Кофе был сварен, бутерброды сделаны.

– Хорошо иметь умную и дальновидную дочь, – говорил отец, присаживаясь к столу и начиная свой завтрак. – Спасибо.

– Спасибо – это много, лучше деньгами, – шутила Диана. – Особо не обольщайся. Рубашку я купила к празднику, а носки дали на сдачу. С майкой вышла промашка, буду исправляться.

– Я согласен. Пусть это будет подарком к Рождеству. Держи, вместо спасибо, как просила, – сказал он, достал из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его дочери. – Вчера до этого дело не дошло, а сегодня получилось очень кстати.

Проводив отца, Диана взглянула на часы, висевшие на стене. Они показывали семь часов утра. Бросив конверт в ящик, она легла на диван, пытаясь уснуть. Ее «хватило» минут на двадцать. Поняв, что сон отменяется, поднялась с дивана, собрала постель и кресло, и с рубашкой отца направилась в ванную. Здесь витал в воздухе запах туалетного мыла, и источали его носки и трусы отца, которые после стирки висели на сушилке. « Привычка – вторая натура, – подумала она, набирая воду в тазик с порошком и замачивая в нем рубашку. – Надо посмотреть ему еще рубашку форменную, белье и носки. Они есть не просят, а могут пригодиться. – С чашкой кофе и бутербродом, она прошла еще раз по квартире, заглянула в холодильник. – До двенадцати занимаюсь, потом перерыв. Сегодня у меня день закрытых дверей». Постирала рубашку отца вручную, она повесила ее на плечики в ванне, взяла конспект и уселась с ногами на диван. Прошли не больше трех часов, и ожил домофон. Она не ожидала увидеть на пороге квартиры мать и ее мужа Павла. Меньше недели прошло с тех пор, как она их навещала.

– Что-то случилось? – спросила с тревогой она. – У вас дела в городе?

– Не волнуйся. Ничего не случилось, а дела у нас в городе действительно есть. Ставь материны гостинцы на стол, вари кофе и будем отмечать твой день рождения, а за подарком поедем позже, – говорил Павел Иванович, снимая верхнюю одежду и помогая жене сделать то же самое. Они втроем прошли в кухню и присели к столу. Диана включила чайник. – Это документы на твою квартиру. Теперь ты здесь хозяйка. Держи, – он протянул Диане небольшую папку. – Квартиру я купил еще весной, отец твой контролировал ремонт, завозил мебель. Одним словом, это общий наш подарок к твоему поступлению. Скрывать дальше нет смысла. Скоро начнут приходить квитанции об оплате за услуги на твоё имя, так что ты будь готова к этому и не удивляйся.

– Ну, вы, родители, даете. У меня даже слов нет. Почему не сказали дома, а ехали специально?

– У нас другие планы, дочка. Ты помнишь, я говорила тебе о куче полированных дров, когда продавала твоё фортепиано? Вот мы сегодня и купим тебе хороший синтезатор. Сама выберешь, – говорила мать, проходя в ванну. – Диана, это что? – спрашивала она, показывая на рубашку.

– А ты не догадываешься? Мам, из мужчин в моей квартире бывает только папа и то редко. Ты на сушилку взгляни. Мы с ним вчера были в ресторане, где я даже пела, и я его оставила на ночлег. Утром его подняли ни свет, ни заря. У меня есть его тревожный комплект вещей и белья. Это плохо?

– Это хорошо, что вы живете дружно. Давайте к столу. У нас есть дела, а вернуться назад мы должны сегодня, – распорядился Китаев.

– Мам, я против дорогостоящей покупки. Я обойдусь без музыкальной игрушки. Учусь я не в музыкальном училище, не пою на сцене. Зачем она мне?

– Мы так с Пашей решили. Будет тебе подарок ко дню рождения. Места он много не займет, а радость доставит. Давай, не будем спорить. Выпечка вся вечерняя, девочки старались, зная, что для тебя. Привезем инструмент, и нам споешь.

Когда инструмент доставили домой, у Дианы уже не было сомнений в целесообразности подарка. Расцеловав мать и Павла Ивановича, она села играть. Теперь зимними вечерами ей было чем себя занять. Сдав на «отлично» зимнюю сессию, она возобновила свои визиты к отцу и начала посещать спортивный зал, купив абонемент, где занятия проходили с трех до пяти два

раза в неделю. После летней сессии она уезжала до начала занятий домой и помогала матери в кафе.

Прошло два года. Диана окончила второй курс, а все остальное в ее жизни оставалось без перемен. С Александром Смирновым они дружили, но до близких отношений дело не дошло. Оба помнили разговор перед Новым 2004 годом. Сегодня, они компанией шли в ночной клуб. Летняя сессия была сдана, практика пройдена, можно было отдохнуть. Настя агитировала подругу давно, но Диана не разделяла ее стремление «оторваться».

– Я могу свой двадцатый день рождения отметить так, как мне хочется? Сделай и ты мне такой подарок, – говорила Настя. – Я разговаривала с ребятами. Мне не нужны подарки, мне нужна компания, но каждый платит за свои коктейли.

– Настя, я не выдержу всю ночь танцев и грохота музыки. Как ты этого не можешь понять? Не люблю я этого, – убеждала она подругу.

– Надоест, я сама тебя посажу на такси и отправлю домой.

Сборы были недолгими. На дворе стояло лето, а на календаре было восьмое июля две тысячи пятого года. Легкая блузка и юбка – шорты, в карман которых Диана положила телефон, ключи от квартиры и деньги. На ногах были легкие босоножки на каблучке. Они приехали в клуб рано, в 20:10. Времени прошло часа полтора, когда к их столику подошел Марк Золотов. Вот уж кого бы ни хотела здесь встретить Диана, так это его. Настроение, которое и так было на нуле, двинулось к жирному минусу. «Нашел, – подумала она. – Все это ни к добру», – сделала вывод, вспоминая последнюю встречу с ним.

Полгода назад они встретились у кафе матери. Марк сидел за рулем своей машины, а увидав Диану, вышел.

– Привет! – сказал он, пытаясь ее поцеловать в щеку. – Давно не виделись. Как дела, учеба?

– Все нормально. Извини, мне нужно идти.

– У меня тоже все в ажуре: квартира, машина, диплом получу через полтора года. Ты мне скажи: как мы могли не видеться, если учимся в одном университете?

– У меня только один ответ на твой вопрос: либо наше обучение проходит в разных корпусах, либо ты редко посещаешь занятия. Прощай.

– До свидания, Аверина. Я обязательно найду тебя в городе.

– Что студенты отмечают? Я раньше вас здесь не видел. Как настроение? Как вам «Глобус»? – спрашивал он, конкретно ни к кому не обращаясь, и обводя каждого презрительным взглядом. – Вы немые? Что у тебя Аверина за компания? Чего они в рот воды набрали?

– Марк, у нас своя компания и нам посторонние ни к чему. Ты пришел отдохнуть или скандалить? – спросила Диана.

– Ладно, ухожу, отдыхайте, – ответил он, подходя к другой компании.

– Настя, проводи меня, я поеду домой, – попросила Диана, поднимаясь из-за столика. Следом за ней встала Настя и Санька. – Саш, оставайся, мы справимся.

За девушками двинулись следом два приятеля Марка и он сам. Саша направился следом, но «шкаф» его остановил.

– Парень, собирай свою компанию, и уходите, если не хотите неприятностей. Этот мажор оставляет в клубе денег в двадцать раз больше чем вы все. Девчонок он в покое не оставит, – говорил он, придерживая рукой Сашу.

– А ничего, что одна из них дочь полковника милиции? – задал вопрос Саша.

– Извини, я этого не слышал, – сказал «шкаф», нанес Саше удар и теперь придерживал его за плечи.

Настя у входа набирала номер такси, но заказать не успела. Телефон друга Марка, смеясь, забрали. Они вели себя так, как будто играли в увлекательную игру, перебрасывая телефон друг другу. Потом, обняв Настю, о чем-то говорили. Марк же взял Диану за руку выше локтя.

– Ты долго будешь от меня бегать? – зло спросил он, ведя девушку на улицу.

– Пусти, мне больно. Я не бегаю, я просто хочу уехать, мне здесь не нравится. В клубе достаточно девушек, чтобы не скучать, – говорила она, чувствуя от него запах алкоголя.

– Зачем мне другие, если я сегодня встретил тебя?

– Чего ты добиваешься?

– А ты не догадываешься? Твой отчим далеко, а я здесь. Ты помнишь, о чем я тебе говорил? Садись в машину и все будет хорошо. Отдохнем, расслабимся, а домой я тебя доставлю чуть позже, если захочешь, – говорил он, обхватывая ее одной рукой за талию и прижимая к себе. – Чувствуешь? А ты говоришь другие.

– Нашел утеху на ночь? А как же твои друзья? – спросила Диана, понимая, что по-хорошему, с Марком не договориться, как впрочем, и по-плохому. Марк был на голову выше Дианы, и весом килограмм под семьдесят.

– Им достаточно твоей подружки, – улыбнулся он. – Ты за нее не волнуйся. Она, в отличие от тебя, все понимает с полуслова. Тебя привела в клуб всего за двести баксов.

– Ты заплатил деньги и знал о том, что я приду? Дай мне две минуты, я скажу ей пару слов и поедем. Садись в машину, – говорила Диана, идя ближе к входу и мысленно соображая, что делать. Кроме их пятерки на улице никого не было. Она видела камеры, но не была уверена, что это, ни муляж. – Настя, подойди на минутку, – попросила она. Парни отпустили Настю, расслабились и теперь стояли в метре от девушек. – Беги, дура, назад в клуб, предупреди наших ребят и звони в милицию, Иуда, – говорила она тихо. – Беги! – крикнула она громко и ударила одного из приятелей в пах, вцепившись другому в длинные волосы. Она видела, как Настя вбежала в двери клуба, еще успела нанести слабый удар длинноволосому приятелю, который теперь хватал ртом воздух, но рядом оказался Марк.

– Ты дура, Аверина, – говорил он, нанося ей удар, от которого Диана увернулась, и он прошел вскользь. – Все могло закончиться красиво, а ты все испортила. – Он замахнулся, но Диана увернулась и устояла. Ее подвели высокие каблуки на босоножках. В очередной раз, не удержав равновесия, она пошатнулась, а удар Марка добавил ей скорости для падения назад. Она упала на спину и потеряла сознание. Марк пинал ее ногами и приговаривал одно и то же: «Сука, сука, сука». Охранник оттаскивал Марка от Дианы, а тот продолжал наносить удары, не понимая, что они уже не достигают цели. «Ты убил ее, придурок. Вали отсюда, пока менты не приехали. Ты, парень, на этот раз попал», – говорил он, ослабив хватку и давая возможность Марку уйти. Длинноволосый приятель дрался с Санькой, и охранник поспешил на помощь, видя, как Сашка оседает на землю. Милиция и скорая помощь приехали одновременно. Настя позвонила отцу Дианы, и тот приехал, когда дочь укладывали в карету скорой помощи, а Саньку осматривал врач.

– Кто этот поддон, что бил мою дочь? – спросил Аверин Сашу.

– Диана его называла Марком, а эти двое Золотой, – ответил Саша. – «Шкаф» его намерено отпустил. Видно кормился с руки.

– Грузите его с приятелями в отдел и запись с камер заберите. Я заеду после больницы, начинайте без меня, – раздавал приказы Аверин. –

Пока Саше накладывали швы на неглубокую рану, а Диану осматривали врачи, Аверин и Настя сидели в коридоре, тихо разговаривали. Он задавал ей вопросы, она отвечала и все время всхлипывала. Смирнова заштопали раньше, чем к ним вышел доктор с диагнозом Дианы.

– Головой она приложилась основательно, когда падала или ей помогли. Били старательно, но, судя по следам ударов недолго. Боли от побоев она не чувствовала, потеряв сразу сознание. Состояние тяжелое, можно сказать, критическое. Сотрясение мозга сильное. Я боюсь делать какие-то прогнозы. Переломов нет, как и внутреннего кровотечения, а вот ушибы на теле, говорят о силе ударов. В сознание она не приходит. Вот все, что я могу сказать. Заключение я напишу, а вещи ее можно забрать. В любом случае, здесь ей находиться ни один день,

так что принесите что-то вроде пижамы или сорочки. Сейчас езжайте домой, возвращайтесь утром. Что касается молодого человека: ножевое ранение поверхностное, ни один орган не задет. Подержим его пару дней, а там посмотрим. Доброй ночи.

– Ночь будет не доброй. Настя, я отвезу тебя в общежитие, а ты с утра привезешь Саше ту одежду, которую он скажет. Я жду тебя в машине.

Аверин спустился к машине и с телефона Дианы позвонил ее матери. Отвез Настю в общежитие и вернулся в отдел. С друзьями Марка показания уже сняли. Оба задержанные далеко не были отморозками. Они учились с Марком в одной группе, дружили и были менее жестокими и человечнее. Аверин читал протоколы и невольно делал свои выводы: «Парня, получивший от Дианы удар в пах, вообще привлечь не за что. Он, как согнулся, усевшись на землю, так его и приняли в дежурную машину. Рассказ, какой складный: «вечеринки раза три в неделю начинались в клубе, заканчивались в квартире Марка, девчонок мы не обижали, до чертиков не напивались, Марк не знал слова «нет». Когда же вы ребята учились? На видео видно, как девчонок удерживают, как Диана наносит удары и как потом бьют ее». Теперь полковник беседовал со «шкафом». Он не мог официально заниматься делом об избииении собственной дочери.

– Скажи мне, гусь лапчатый, почему ты отпустил Золотова? Чем этот парень так для тебя хорош? Молчишь? Ответь мне без протокола: такое раньше было?

– Было. Они знали слепые зоны и на камеры не попадали. Все обходилось даже тогда, когда девчонку забил до смерти. Эти двое лишь подражатели, а Марк монстр. Он звереет, получив отказ. Я давал показания, по гибели девушки, но его даже не арестовывали, а мне заплатили и потребовали молчать. Вы и сейчас его не сможете наказать, он вывернется с помощью отца.

Аверин сидел в своей машине, ожидая результатов обыска, переваривая сказанное и прочитанное. В городе объявили план перехват, теперь наведались в квартиру Золотова. Хозяина в квартире не было, а вот обыск дал результаты. Еще не закончив с протоколом обыска, к машине подошел опер.

– Товарищ полковник, Александр Николаевич, это может понадобится вашей дочери, – тихо сказал он, уронив на колени начальника корешок сто долларовых купюр. – Так будет со всех сторон правильно. Мы все надеемся, что Ваша дочь поправится. Что касается наркотиков и денег, есть протокол изъятия. Там ни квартира, а дорогой современный притон для избранных, причем, весьма нездоровых на голову. Езжайте домой, я обо всем доложу подробно завтра.

Аверин запустил двигатель и поехал к дому дочери, всю дорогу переваривая случившееся. В квартире он собрал для нее вещи, вспомнив, как это делал лет пятнадцать назад, собирая ее в детский сад и тут его «прорвало». Он плакал навзрыд, уткнувшись лицом в полотенце. Так продолжалось минуты три-четыре. Он умыл лицо под краном холодной воды и позвонил в больницу. «Состояние тяжелое, но стабильное. Изменений нет», – ответили ему. Часы показывали 03:15. Он поставил будильник на 06:15, проверил свой дежурный гардероб, лег на диван и мгновенно уснул.

Глава 3

Звонок телефона Натальи Петровны Авериной прозвенел в двадцать два сорок. Звонила дочь. Она ответила на входящий звонок и услышала голос бывшего мужа.

– Наташа, извини за поздний звонок. Пашка далеко? Он мне нужен.

Наталья передала трубку гражданскому мужу и теперь с тревогой смотрела на него. «С Дианой что-то случилось, иначе, зачем Александру звонить с телефона дочери», – думала она. Павел слушал бывшего друга, не перебивая, и задал только два вопроса: – «Кто он?» и «Где она сейчас?», получив на них исчерпывающий ответ: – «Золотой мальчик. В городе объявили план «Перехват», но есть вероятность, что он рванет под крыло своего папы. Кто хозяин в городе, тебе объяснять не надо. Вывод очевиден: он наказан не будет. Диана в седьмой городской больнице. Состояние тяжелое, даже критическое. Паш, я впервые не знаю, что мне делать. А, если она не придет в себя? Ты Наташе всего не говори». « Не раскисай. Будем надеяться. Я выеду с рассветом», – сказал Павел, отключая телефон.

– Что с Дианой? – с тревогой спросила Наталья. – Почему Аверин звонил с ее телефона? Где моя дочь?

– Успокойся. Были в клубе компанией, там их и поколотили. Все обошлось ушибами. Подробности пока не знают. На рассвете поедем с тобой в город. Ты своим подругам позвони, что на работу не выйдешь завтра. Волноваться преждевременно. Свари кофе, а я сделаю пару звонков.

Наталья не слышала, о чем говорил Павел, и не догадывалась, кому он может звонить. Чувство тревоги за дочь не покидало ее. Павел вошел в кухню, обнял жену за плечи, поцеловав в щеку.

– Наташ, ты способна, осознано, воспринимать то, что я сейчас буду тебе говорить? – спросил он, усаживая ее за стол и наливая себе сваренный кофе.

– Что я должна сделать? Я соображаю, хотя и волнуюсь очень, – отвечала она, присаживаясь на стул и глядя на него глазами, полными слез.

– Выслушай меня внимательно. Повторять дважды, у меня нет времени. Ты сейчас соберешь свои и мои вещи на два-три дня. Возьмешь деньги, которые есть в доме и свои документы: паспорт, права, – говорил он медленно и спокойно. – На моей машине, которую я заправлю, ты должна выехать из города до пяти утра. Скажем, в четыре тридцать. Камера на посту ГАИ должна это зафиксировать. Езжай с превышенной скоростью. Проедешь километров десять, станешь на обочине, включив аварийку, и будешь меня ждать в машине. Ты все поняла? Повтори.

– Понятно. Вещи на три дня, деньги и документы. Четыре тридцать, превышение скорости, десять километров. Долго ждать?

– Часа два, но я постараюсь управиться раньше. Наташа, очень прошу тебя, никакой самодеятельности. Делай только так, как я прошу.

– Почему мы не можем поехать сразу вместе? – задала она вопрос, глядя на мужа.

– У меня неотложные дела, сделав которые сейчас, я смогу отсутствовать два-три дня. Так тебе спокойнее? Сделай кофе в термос и положи в сумку мой телефон, – он оставил телефон на столе и начал переодеваться. – Все будет хорошо. Меня нет, я ушел.

Павел, спускаясь по лестнице, уже не думал о Наталье. Теперь его голова была забита другими вопросами. Он ехал на встречу с братом в дом отца. Брат Анатолий был на четыре года моложе его и занимал пост начальника службы безопасности у бывшего криминального авторитета, а ныне крутого бизнесмена в городе Тихонова Андрея Степановича. Единственным конкурентом Тихона был Золотов Виктор Николаевич, или мясной король, бывший директор местного мясокомбината. Прожив в городе восемь лет, Павел мог оценить масштабы биз-

неса обоих, как и их человеческие натуры. «Если бы пришлось выбирать между бывшим уголовником и бывшим интеллигентом, я бы выбрал первого. Если первый придерживался, хоть каких-то своих законов, второй не признавал ни один из существующих. Он считал себя, если не Богом в этом провинциальном городке, то его неким посланником. Брат, как бы, между прочим, поинтересовался: есть ли у меня знакомые для непыльной, но хорошо оплачиваемой работы, чтобы как-то распилить кусок золота? «Знаешь, Пашка, всему есть предел. Эта мразь не останавливается не перед чем. Город вымирает от наркотиков и паленой водки. В нашем местном детском доме, девственниками остались дети не старше семи лет. Ни милиция, ни местная власть не реагирует на этот беспредел. Они кормятся с его руки. Его не взять ни близко, ни далеко. Бронированная машина, охрана из бывших ментов, свою работу знает. Был один Робин Гуд, которого положили на месте. Ты можешь себе представить, что он способен закопать в землю человека живьем? А, что, в присутствии десятка свидетелей, застрелить человека из пистолета охранника и списать все на него? Он держит в страхе половину городка. Помоги, хотя бы советом», – говорил Анатолий. Я твердо обещал подумать. Четыре дня я потратил на наблюдение и анализ. Вариант нашелся, но с большой долей риска. Рисковать, когда моя жизнь приобрела смысл, было не только неразумно, но и глупо. Теперь у меня нет выбора. Оставить все, как есть, значит, подонок избежит наказания, а что будет с Дианой? Что вообще будет, если она не выживет или останется инвалидом? Так ли оно на самом деле, как сказал Санька? А если все гораздо хуже? Я себе этого никогда не прощу. Надо работать самому. Не согласится Тихон, я отработаю даром, получив хотя бы моральное удовлетворение», – думал он, подъезжая к дому отца, рядом с которым уже стояла машина брата. Поздоровавшись за руку с отцом и братом, прошли в комнату.

– Батя, ты извини, что так поздно, раньше не получилось. – Вот что, Анатолий, передай Тихону, если он не передумал, все будет сделано в течение суток. Ему ведь неважно, где и как? Мне нужно либо его согласие и деньги, либо его отказ. Это срочно. Теперь второе: сын Золотого избил Диану, девчонка в больнице, состояние тяжелое. Сынок, скорее всего, примчится под крыло папаши, – взволновано говорил Павел.

– Ты здесь, каким боком? – спросил отец. – Ладно, Наташка, а ты причем? Пусть Санька и разруливает ситуацию, – сказал отец с ноткой недовольства в голосе.

– Не шуми, батя. Диана моя дочь, и мстить сыночку за нее буду я, а заодно и папаше долг верну, – возразил отцу сын.

– Не дури, Павел. Все знают, что у тебя претензии к Золотому, хотя ты повода так думать и не давал. Еще посидеть захотелось?

– погоди, Паш. Наташка тебе призналась? Откуда ты это взял? – удивился Анатолий.

– Аверин перед своим отъездом поведал. Я эту новость восемь лет назад узнал, а год назад сделал анализ. Моя это дочь. Наташка молчит, и Диана не знает.

– Что ты собираешься делать? Чем я могу помочь? – спросил брат.

– Если Тихон даст добро, будет нужен помощник на машине с левыми номерами, лучше соседней области. Деньги в банковской упаковке. Сумма не меняется.

– Паш, ты за лоха меня не держи. Нет ни какого другого. Он – это ты. Справишься? – глядя брату прямо в глаза, спросил Анатолий.

– Если сможешь и сделаешь, как скажу, постараюсь. Меня в нашем городе не будет уже часа в четыре. Я уеду в область в больницу вместе с Натальей. А ты, того другого вывезешь из города с деньгами. Был человек в маске, ты приехал за кладбище, его ждала машина, рассчитался, вернулся. Это легенда для твоих друзей, мне она не поможет. Мне нужны будут два телефона левые. Часа в три заступай на дежурство у въезда в город. Я должен знать, что мажор проедет пост до шести утра. Отзвонишься и будешь ждать меня на проселке за кладбищем в шесть двадцать, плюс пять-десять минут.

– Ты офонарел? Оттуда до дома больше десяти километров, – возмутился брат. – Ты будешь ждать сына или отца?

– Тебе повторить или ты с первого раза понял? Не будет в шесть тридцать, уезжай. Это от дома десять, а там где буду я, половина, – говорил строго Павел. – Ранний приезд сына, может нарушить планы. Моя головная боль его папаша. Без него, этот урод долго не протянет. Его уже ищут и найдут. Дело времени.

– Дальше что? – спросил нетерпеливо брат.

– А дальше, повезешь меня в сторону областного центра. Проедем с десятков километров, меня высадишь, снимешь левые номера и вернешься окольными путями. Все! И не переживай. В машину сяду чистый, как стекло.

– Он еще и шутит, – с грустью сказал отец. Выросло два бандюка на мою седую голову. Утешение на старость лет.

– Батя, ты вспомни беспредел. Какие мы бандюки? Может, стариков разводим на деньги, малолеток насилуем, наркотиками торгуем? Ты нашей милиции доверяешь? Что она сделает против Золотого, если он ее с руки кормит? Или ты забыл за кого Пашка срок отсидел? Кто девчонку избил? Тихон казино держит, ресторан, клуб. Кто туда деньги носит? Те, которые на взятки да на откаты жирует. Такие, как мы с Пашкой, туда не ходят. Так что, кто из нас бандюки большой вопрос. Телефон я тебе, Паш, сейчас принесу и поеду. С Тихоном вопрос решу, перезвоню на него. Мажора не пропущу, о въезде доложу. Удачи тебе, брат, – он обнял брата, пожал руку отцу и вышел из дому.

– Паш, я все о Диане думаю. Выходит у меня внучка есть, о которой я и не догадывался, – говорил отец старшему сыну. – Она девчонка хорошая. Как думаешь, выкарабкается? А если понесет от насильника?

– Не было насилия, отец. Я же ее не зря в секцию гонял в свое время. Видимо силы были не равны. Она справится, и я справлюсь. Ты не переживай, я позвоню из города, когда все узнаю. Держись, батя, прорвемся! – Он обнял отца и покинул родительский дом.

Сыновья разъехались. Каждому следовало заняться своими неотложными делами, а отец, заперев калитку, не раздеваясь, лег на свою постель. Ему предстояло пережить часов пять до рассвета. Анатолий ехал на встречу с Тихоном. Он был уверен, что босс даст добро на подобную операцию. Младший брат думал о Павле. «Он никогда не воспринимал меня всерьез. Он уходил в армию, мне было четырнадцать, вернулся, я уже учился второй год в ПТУ на авто-слесаря. Вот тогда он мне дал прозвище Митрофанушка, даже не поинтересовался: почему я принял такое решение? А я, как будто задницей чувствовал, что он либо останется в армии, либо уедет в город учиться. Я не мог оставить отца одного, после смерти мамы. Но выпал третий вариант, который не мог предположить никто. Пашка на два года сел в тюрьму. Я, уходя в армию осенью восемьдесят четвертого, его так и не дождался. Не было даже его адреса. Первый раз он появился, как снег на голову, зимой, через семь лет. Это был совсем другой Пашка. Либо он стал «меньше», либо я вырос. Из бравого десантника восемьдесят второго, он стал похож на ботаника в своих очках с толстыми стеклами. Теперь я уже посмеивался над ним, а зря. «Извини, брат. Внешность бывает, обманчива», – говорил он мне, спецназовцу, во дворе дома отца после поединка. Вот тогда я понял, что он пропадал столько много времени не просто так. Наш Пашка из ОПГ. А иначе, откуда у него такие деньги. Он пробыл три дня и опять пропал, явившись на три дня летом девяносто третьего. Вернулся в девяносто седьмом. Разговоры о своей жизни пресекал в корне. «Ты, Толян, поговорку помнишь: «Меньше знаешь, лучше спишь»? Вот и спи спокойно, без кошмаров. Я же не спрашиваю: как и на каких условиях, ты попал к Тихону? Каждому свое, брат. Ты можешь посмотреть мою трудовую книжку, где уже вкладыш от записей завели. Но было бы лучше, если ты найдешь мне недорогой авто-сервис. Хочу работать на себя, а не дядю», – говорил он. Понятно было, что деньги на покупку квартиры, ремонт дома отца и сервиса, не с неба для него свалились. Но, кто будет задавать

вопросы через пятнадцать лет? Взяв в жены Наташку, он стал семейным человеком. Мы стали чаще общаться, но говорили только о настоящем. Теперь выходит, что Павел в свое время сам отказался от Натальи, а мы навешали на нее ярлыков, когда она вышла замуж за Аверина, который принял девчонку. Да, дела. То, что Пашка киллер со стажем, я просек еще года два назад. Мы отмечали день рождения отца с баней и пивом. Я увидел в предбаннике его очки и примерил ради любопытства. Мало того, что они оказались с простыми стеклами, они работали, ближе к дужкам, как зеркало заднего вида в авто. А добил меня, пожелтевший, синяк на правом плече, оставленный прикладом. При всей своей внешности, Пашка не был слабаком. Да его мышцы не были мышцами «качка», но сила в его руках была немалая. Митрофанушка сложил его отсутствия в городе по две недели два-три раза в год, и его пазл сложился. Это был снайпер со «слабым» зрением. Что, если у Пашки это не получится? Риск очень велик. Он помогает нам, а я должен помочь ему, и сделать так, как он просит. Уйти гораздо труднее, чем нажать на курок», – думал Анатолий, тормозя у дома Тихона.

Павел заехал на заправку, залив полный бак, и припарковал машину у подъезда. В одном окне его квартиры горел свет. Тяжело вздохнув, он проверил наличие ключей и зашагал в сторону от дома. В километре от него, Павел арендовал гараж лет пять назад, но из транспорта там был только старенький велосипед, висевший на одной из стен. Это была его «штаб-квартира». Здесь он проводил время перед своими «играми», так он называл свою работу. Они случались не часто в разное время года, в разных часовых поясах. Часы показывали четыре нуля, когда он закрыл за собой дверь и включил свет. Чужих, в его отсутствие здесь не было. Метки, известные только ему, были на месте. В гараже был, порядок, хотя и неидеальный. Он снял с крючка пакет со старыми кедами на толстой подошве и тонкими перчатками. Здесь же у порога переобулся, натянул на руки перчатки, засунул снятую обувь в пакет. Прошел, присел на диван, откинувшись на спинку, прикрыв глаза, задумался: « Миссия, Пашка выполняема. Но надо, очень надо, Павел Иванович, постараться, постараться, как никогда. А самое главное, суметь уйти. Меня давно не мучает совесть, я не испытываю ни жалости, ни сострадания, не ищу оправдания для себя и не раздаю вину по заслугам. Я перестал давно перечитывать сценарии, выданные мне режиссером. Это не только бесполезное дело, но далеко и бессмысленное. Есть теоретики, есть практики, а есть нечто среднее. Вот с этим средним я и сталкивался ни раз, после чего перестал читать, и постарался сам стать сценаристом. Возможно, благодаря этому, без всякой надежды на дядю, мне и удавалось то, чего требовали. – Он поднял диван и достал оттуда некий предмет, завернутый в промасленную тряпку и пакет. – Прости, подруга. Ты пойми меня правильно: сегодняшние враги – мои личные враги. Мне нельзя сегодня оплошать. Другого шанса у меня не будет, – говорил он негромко вслух. – Я позволяю себе игру в драмкружке, а не на сцене, и вряд ли мой режиссер это одобрит. Только выбора у меня нет, а причина очень серьезная. Дело касается моей дочери. Дай Бог, чтобы она поправилась. Это похоже на кровную месть, и мерзавец, которого я предупреждал, должен быть наказан. Моя совесть молчит, и рука не дрогнет». – Он, достал из пакета и прямо поверх своей одежды, надел на себя комбинезон темно-синего, почти черного, цвета. Разобрал и собрал винтовку, сложил ее в твердый чехол вместе с глушителем. Он был похож на чехол для удочек, и эту похожесть дополняла имитация трех удилиц, торчащих из него сантиметров на семь-десять. Чехол с лямками удобно размещался за спиной мягкой стороной. Проверив карманы комбинезона, он добавил их только телефоном, переданным братом. Павел взглянул на часы, присел на диван, закрыл глаза и мысленно, еще раз, прошел весь свой маршрут. Прошло минут десять. Оглядев гараж, он снял со стены велосипед, повесил на руль пакет с обувью, в которой пришел, надел на спину чехол, выключил свет, запер гараж и, оседлав велосипед, взял направление на объект. «При удачном раскладе, до места мне добираться минут тридцать пять на коне, двадцать пешком, но быстрым шагом. Полнолуние хорошо, только проезжая часть там не для велосипеда. Эти двадцать минут мне, на обратном пути, надо сократить вдвое и больше, –

думал он, крутя педали. Город спал, и улицы освещали только редкие фонари. Он знал этот маршрут, проехав по нему дважды туда и обратно. – Все ли я предусмотрел? Я становлюсь безрассудным или самоуверенным? Что меня так расслабило? Провинция не так глупа, как мне хочется думать. В охране Золотого работают не дураки, и должны были предусмотреть все варианты возможного покушения. Другое дело, что они его не ждут. Среди местных не найдется кандидата в самоубийцы, и, в открытую, никто не пойдет против мясного короля. Чужого вычислят в два счета. Поселок всего в две длинные улицы. Первая улица с фасадами домов на город и участками к соседям. Вторая – дома смотрят в противоположную сторону, а участки на участки, напротив их соседи, участки которых соседствуют с кирпичным забором. Дом Золотого находится на второй улице, в середине поселка, почти в самом центре. С крыши недостроя работать удобнее, но уходить сложнее. Остаются деревья перелеска. От них, даже от третьего ряда сосен, до дома, по прямой, метров пятьсот-шестьсот». – Павел Китаев анализировал, думал и работал ногами. Доехав до тыльной стороны кладбища, вокруг которого была вырыта неглубокая траншея, отделяющая его от проселка, он слез с велосипеда, снял с руля пакет и опустил коня вниз. Поправив на спине чехол, он двинулся быстрым шагом к перелеску. Пройдя его поперек, он шел теперь по берегу речки к выбранному месту. Брат позвонил, сказав только одну фразу: «Все в силе. Работай». Поселок находился в редком лесном массиве. Территория коттеджного поселка была огорожена глухой стеной с трех сторон и охраняема. С тыльной стороны, вдоль кирпичного забора, высотой больше двух метров с колючей проволокой, шла проселочная дорога. По ней давно никто не ездил, она никуда не вела, параллельно ей был перелесок из смешанных деревьев, шириной метров тридцать-сорок, за ним небольшая речушка, и дальше опять редколесье. Речка, своими размерами, жителей поселка не заинтересовала, отсюда и глухой забор. А мальчишки на велосипедах приезжали сюда купаться. Павел знал, что в доме находятся, кроме хозяев, прислуга, водитель и четыре охранника. Один – при хозяине, один – на входе и два – перед мониторами камер. Помещение охраны располагалось недалеко от въезда во двор. По периметру участка есть камеры, но могут быть и муляжи. Для Павла было большой удачей то, что тучный хозяин дома поддерживал форму «на дому». Помимо бани, он каждое утро делал пробежки по территории участка три-четыре круга в шесть часов. После чего, минут пять, делал нехитрые упражнения и шел в дом. Выпадал из поля зрения минут на десять-пятнадцать, и появлялся в своем кабинете минут на сорок. Потом спускался, видимо, к завтраку и выезжал из дому на работу. « У меня есть два варианта: достать его за бегом, физкультурой или в кабинете. В противном случае я не успеваю к Анатолию. Будет надежнее, если все же во дворе. Кто знает, какие стекла в окнах? Моя основная цель отец, без него сын ноль. А, если мажор приедет чуть раньше зарядки и спутает все карты? Ладно, время до рассвета у меня есть, сейчас 03:40, – подумал он, спускаясь к реке. Погода стояла безветренная, а луна и звезды позволяли ему шагать свободно, не присматриваясь под ноги. Присев на берегу, он закурил и мысленно вернулся в далекое прошлое. – Когда это все началось? – снимая очки, убирая их в карман комбинезона, подумал он. – Я к ним так привык, что не замечаю неудобств, и никто не догадывается, что это бутафория. Я впервые не перевоплощаюсь и не маскируюсь, как положено, хотя меня этому и учили. Мало кто знает, где и кем я служил, каким образом одолел немецкий язык и где постиг уроки актерского мастерства. Меня «приняли» прямо у ворот колонии. Я этого ждал и знал, кто устроил мне «легкую жизнь». Здесь мне дали кров и псевдоним Китаец. Почему Китаец, а не Кит, мне не объясняли. Больше года я постигал премудрости «вольного» стрелка. Потом были Казань и Питер, Москва и Киев. Через пять лет я впервые попал за границу. Потом, считать и вспоминать свои поездки мне, как-то не хотелось. Стрелок я посредственный, а вот артист хороший. Видимо, это качество гораздо важнее зоркого глаза и твердой руки. Я вживался в роль и не выходил из нее до конца. Платили мне исправно, а в качестве вознаграждения выдали отпуск, с условием проживания на малой родине, не сбросив со счетов. Это моя самодеятельность,

может мне выйти боком, – глядя на восходящее солнце, думал Павел. Он влез на дерево, пристроил винтовку и взглянул в прицел. Спустился вниз и осмотрел землю вокруг своей позиции в радиусе десяти метров. Анатолий позвонил в 05:50. – Парень, видимо, спал в дороге. Вместо шести часов поездки, явился через восемь, – подумал он, залезая на дерево и занимая на нем удобную позицию, если такое было возможно. – Ему ехать десять-пятнадцать минут. Пока все складывается удачно». – Павел видел в прицел, как Золотов старший вышел на пробежку и делал уже последний круг. Он начал делать свои упражнения, когда охранник открыл калитку и впустил Марка. Тот направился к отцу, явно в возбужденном состоянии. Прильнув к прицелу, Павел по губам прочел: « Я убил ее... » и понял, что удачнее момента не будет. Звук выстрелов поглотил глушитель. Они прогремели с разницей в секунды. Отец и сын падали на траву газонов почти одновременно, а стрелок уже был внизу, разбирая и складывая в чехол винтовку, собирая гильзы. Надевая лямки чехла на плечи, он сразу шел, а потом побежал, держа пакет с обувью в руках. Теперь он бежал прямой проселочной дорогой, не думая о том, что может быть кем-то замечен. Он бежал так, как не бегал в армии на марш-бросках и кроссах. Ему казалось, что расстояние сокращается, но слишком медленно. Когда впереди из-за деревьев показался угол кладбища, успокоился, продолжая бег. Он лишь на мгновение остановился, аккуратно засунул чехол под спиленные и уже засохшие ветки деревьев, сухой травы, кучей наваленные в траншею. Анатолий увидел бегущую фигуру в черном, и, понимая, что это никто иной как Павел, завел мотор, открыл дверь и сдал машину назад.

– Гони, брат, из города по максимуму, – тяжело дыша, говорил пассажир с заднего сидения, снимая перчатки и обувь, выбрасывая их на ходу через окно. Он снял с себя комбинезон, свернул его и положил в пакет, из которого достал обувь. Протер влажными салфетками руки и лицо. Вернул брату телефон и одел очки. Теперь пассажир имел совсем другой вид. Светлое поло, джинсы и мокасины.

– Отдышался? Держи воду, – брат протянул бутылку с водой. – Деньги в пакете, как просили. Подробностей я не жду. Позвонишь из больницы, я доложу обстановку.

Они ехали с максимальной скоростью минут двадцать, когда Павел увидел на обочине свою машину. Попрощавшись с братом, он забрал из машины два пакета, занял водительское место в своей машине и выехал на дорогу. Жена встретила его молча. Прикуривая на ходу сигарету, он взглянул на жену.

– Не надо делать из меня монстра. Подумай о дочери. Или ты доверяешь местной доблестной милиции и суду? Пристегнись, – говорил он, набирая скорость. – Доедем до леса, сделаем остановку минут на пять. Потерпишь?

– Потерплю. Ты никогда не водил машину с такой скоростью. Я и не предполагала, что ты можешь быть Шумахером. Это еще один секрет, тайна? – тихо спросила Наталья.

– Ты, Наташа, тоже не все тайны раскрываешь, и я узнаю о них от других.

– Ты о чем? – удивленно спросила жена, глядя на мужа.

– О тебе, о себе, о Сашке Аверине. Сашка был прав, когда говорил, что я люблю только себя. Сейчас я люблю не только себя, но и свою дочь. Я знаю об этом давно. Почему ты не рассказала всей правды ни ему, ни мне? – спросил он ее, глядя на дорогу. Ты использовала его, обвинив во всех смертных грехах. Катерина Васильевна мне многое поведала. Да, Наташа, я выполнил грязную работу. Зачем тебе подробности? Мы прожили с тобой в браке, пусть и гражданском, по твоей инициативе, семь лет и я не мог не сделать этого. По вине отца, я стал тем, кем стал. По вине его сына пострадала моя дочь. И если я смог бы простить отца, после стольких лет, его сын не заслуживает моего прощения. Дай, Бог, чтобы с Дианой все обошлось. Сейчас я остановлюсь и подожду тебя пять минут. Ты кофе не забыла?

– Я тебя ни в чем не обвиняю, а кофе в термосе, термос в кармане чехла с твоей стороны, – ответила она, выходя из машины.

Остановка у леса заняла минуты четыре-пять. Павел спрятал полученные деньги в примитивный тайник между двумя толстыми паралоновыми подушками сидения, сложил аккуратно комбинезон в пакет, положил его в багажник, выпил кофе и закурил, ожидая, пока жена займет свое место в машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.